

Посвящается моему сыну Леонарду

Я умер. Да, я не вечен, как и всё в этом мире. В вашем мире. Я иду по дороге, ведущей к моему дому, я его построил своими руками, этими же руками я укачивал тех, кто сейчас в этом доме спит. Я иду тем путем, которым мы привыкли ходить. Странная вещь — привычка, для человека, который не чувствует больше дождя. Я и есть дождь. Но я не ощущаю себя. Я иду дорогой, которая давно уже не моя, по старой памяти я открываю ворота. Они не услышат этот скрип. И мои шаги исчезнут, когда закончится дождь.

Я смотрю на окна, в которых темно, там нет больше меня. Там нет больше света дневного, и если я — ночь, то в этом мире нет больше дня. Я вхожу тихо, чтобы никого не разбудить, я исчезаю громко. О, закройте им рот, чтобы они не кричали. Я смотрю на лицо ее безмятежное, сонное. О, любовь моя, ты еще не узнала... Мне бы в вечность превратить эту ночь, чтобы отсрочить

мою смерть. Забавно, но умру я лишь тогда, когда вы об этом узнаете. А сейчас я живой и сердца ваши горячие полны моего тепла.

Как это страшно, когда одним словом приходится отдирать себя от родных тел, словно я всего лишь кожа другая, которую нужно немедленно сбросить. Вы ведь замерзнете голые, я это знаю. Когда одним телефонным звонком выбрасывают меня из моего же дома и говорят, что нет больше... Как нет? Как нет? Вот же я, вот же. Смотрите. Из открытого окна вдруг повеет холодом. Я захлебнусь от собственного крика и замолчу. Но это будет завтра...

А сейчас я стою у нашей кровати и охраняю твой сон. Нам с детства говорили, что ангелы оберегают наши сны, так вот, драгоценность моя, я теперь твой ангел. Как жаль, что я им не был при жизни.

В другом конце города. В одной из палат.

— Сколько времени прошло?

— Три минуты. Остановка сердца.

— Понятно.

Главный врач подошел к окну и прикрыл форточку.

— Сегодня холодная ночь. Сколько ему было?

Медсестра посмотрела в медкнижку.

— Тридцать четыре. Через месяц тридцать пять.

— Молодой.

— Жена, дети есть?

— Жена и двое детей.

Врач хотел было огорченно вздохнуть, но его каменное сердце подсказало, что так делать не нужно. В его глазах застыло уже привычное ему беспристрастие к чему-либо.

— Будите жену.

Какие сны ты видишь? О чем они? Я тут подслушал один разговор, тебя хотят сейчас разбудить. Поспи еще немного, это короткая ночь, но жизнь наша еще короче. У меня было так много минут, которыми я неправильно распорядился. Если бы мне дали всего один год, то я прожил бы этот год лучше, чем всю свою жизнь. Как ценны секунды.

Сейчас ты проснешься, подойдешь к телефону и выронишь трубку из рук. Я умру в этот момент. Какая ирония, что ты спишь, а я наслаждаюсь последними глотками воздуха. Смакую последние секунды. Ты сейчас — та нить, которая держит меня в этом мире. Но она оборвется, как и твой сладкий сон, когда ты услышишь звонок. Я бы хотел тебе многое сказать, например то,

что действительно стоило бы переклеить обои в нашей спальне и завести собаку, с ней будет спокойнее. Какую оценку получил вчера наш сын? Когда они успели так вырасти, словно еще вчера я...

Раздался звонок.

Моя жена открыла глаза, взяла телефон. Ей снился бал, вечерний бал, она была в белом свадебном платье, на нее все смотрели, любовались ею и дарили цветы. Она была в центре внимания и получала от этого удовольствие, что еще нужно женщине? Как прекрасно, что сон может стать особенным событием для того, кто его смотрит. Мы уходим в сны, чтобы убежать от проблем, побыть теми, кто мы есть на самом деле. Не боясь осуждения окружающих, какими бы ни были нормы морали. «Я и есть мораль», — так бы сказал я, познав истину этой жизни.

— Алло...

— Алло. Юлия? Простите, что вас потревожили среди ночи.

— Слушаю вас.

Медсестра тихо откашлялась.

— Ваш муж умер четыре минуты назад. Примите мои соболезнования... Вам нужно приехать...

Телефон падает. Гудки...

Я умер только что. Не четыре минуты назад и не от остановки сердца. Я исчез от остановки

чувств человека, для которого я был больше, чем Бог, но меньше, чем ребенок. Я растворился в ту секунду, когда поверила ее душа в то, что нет больше моей. Я и есть душа. А все остальное — оболочка, тело. Меня похоронили не через три дня, а в тот самый момент, когда она поверила в мою гибель, когда заполонила ее сердце больное жалость. Меня вышвырнули из дома на улицу, как собаку, которую мы не успели завести. Не делайте этого больше, не поступайте так со мной. Любите меня. Говорите обо мне в настоящем времени. Я не был. Я есть. И я буду.

Человек без зонта стоял у двери под крыльцом. Дверь открылась, и женщина, выбежавшая из дома, пронеслась сквозь него. Он посмотрел на свои руки, они исчезали, он посмотрел на ноги, их не было видно на земле. Человек обернулся.

— Поспеши, милая. Поспеши! Тебе еще многое нужно успеть...

Дождь закончился и на этой самой земле остались только ее следы, той женщины, что бежала к своему холодному мужу, ей и вправду казалось, что он холодный. Солнце еще не успело взойти, когда из этого города бесследно исчез один человек.

Глава первая

«Она бежала к своему холодному мужу, ей и вправду казалось, что он холодный...

Я не узнаю тебя больше, мой свет. У меня есть фотографии твои — живые, теплые еще. Но если бы тебя сфотографировали сейчас и показали мне, я бы тебя не признала. Я не чувствую энергетики рядом с тобой и весь дом пропах моими духами, чтобы хоть как-то затмить тот запах, тобою оставленный запах — вчерашнего дня. Тебя нет с нами сегодня, не делай мне больно. Где ты сейчас? Кем ты стал или чем? В чем теперь смысл твоей жизни, если ты обрел для себя новую форму существования?

Она сидела в гостиной, за столом, и смотрела на каштановый гроб, мысленно обращаясь к человеку, которому пиджак был больше не по размеру. Он сильно исхудал за время болезни. На лице у него читалось смирение, успокоение и отсутствие духа».

— Габриэль, тебе сделать чай с бергамотом?

— Не отвлекай, Рита, я пишу. А чай... Да, пожалуйста, как я люблю. Прости!

— Сейчас сделаю.

Загудел чайник. Вдохновение испарялось с каждой новой секундой и вылетало через открытое окно, к ветру, к черту, да хоть на край земли, воз-

вращая меня обратно в реальность. В горле горчило обидой. О, этот настойчивый свист чайника...

«Вода закипела, я заварю себе чай. Крепкий. Мне нужно взбодриться. Я еще никогда не чувствовала себя такой усталой, опустошенной, лишенной всяких чувств и желаний. Я бы легла к тебе в гроб, но боюсь, что мы с тобой не поместимся, он слишком узкий. Я истощена не от голода, а от того, что проснулась этой ночью и не смогла больше уснуть. Мне позвонили в четыре утра и сказали, что ты умер. Больше я ничего в этот день не слышала и никого. Ты молчишь, ты все это время молчишь, у тебя нет больше слов для меня.

Наклонилась и поцеловала в губы.

Слез нет для тебя, твоя болезнь их забрала. Я знала, что ты умрешь, но я боялась позволить себе даже подумать об этом, не давала этой мысли блуждать в моей голове. Я это знала, как и то, что настанет такой вечер, как сегодня, когда я наклонюсь к гробу, чтобы поцеловать тебя на прощание. Ужасно слышать, что мертвых целуют. Когда ты это делаешь, тебе уже вовсе не страшно, ведь мертвых целуют мертвые. Завтра тебя заберут. Унесут на руках, как уносят фанаты своих перегревших звезд на их последних концертах. Нам останется слушать все твои альбомы, прокручивать твои слова в голове. У тебя было много фана-

тов. Ты многих сердец касался, но многие ли коснулись твоего? Мне бы хотелось думать, что я к твоей душе притронулась, а иначе, зачем я была нужна?»

— ...А иначе, зачем я была нужна?

Я читал Рите отрывок, который написал несколько минут назад. Мы пили чай с бергамотом.

— А каково это — писать от лица женщины?

Рита внимательно посмотрела на меня.

— Я думаю, что во мне присутствует женское начало. Когда я пишу, то могу чувствовать, как женщина. Но это начало раскрывается только в моем выдуманном мире, в тех женских образах, которые я придумал сам. В реальной жизни я чувствую, как мужчина, полная противоположность женщине. Мы из разных миров.

— Но все же, что ты чувствуешь, когда видишь женскими глазами?

— Я чувствую холод. Сквозняк...

«Юлия подошла к окну и закрыла его, затем вернулась к стулу. Она надела теплый свитер, который лежал на стуле, села, но так и не смогла согреться. Чай к тому времени остыл.

— Я знаю, что не смогу уснуть, сегодня выдался тяжелый день, а ночь будет еще тяжелее. Мне

говорят, что мой сон — это не сон, и что все это время я не сплю. Еще они говорят, что кто-то обязательно должен сидеть с тобой всю ночь. Ты никуда не уйдешь, если я тебя оставлю здесь одного? Меня в детстве пугали, что души мертвых ходят по дому первые дни, есть даже те, кто слышал эти шаги, стуки, шорохи...»

Я сидел у окна и думал о своем герое. О человеке, что стал пионом, чьи бутоны тянутся изо всех сил в окна оставшихся там, за стеклом. «Я пион, а быть пионом легко. Птицей быть тяжелее. Я видел столько птиц, взлетающих, чтобы покинуть свой мир и улететь в бескрайнее небо. Они стремятся набрать высоту, они желают быть выше, лететь широко открытыми глазами, покорять новые горизонты. Птенцы, которые слабее тех бед, что выпали им на крылья во время полета, — всегда падают обратно в свое гнездо. Им важен взлет, тем, кому есть куда падать. Я бы уже не рискнул...»

— Рита, давай займемся любовью.

Она игриво коснулась моего плеча и поцеловала в висок, с интересом рассматривая мой профиль.

— Кто ты? — спросила шепотом.

— Я мечтатель, а быть мечтателем легко... Реалистом быть тяжелее. У них нет крыльев и они